

VU Research Portal

Особенности ментального симулирования в жестовом поведении переводчиков-синхронистов

Iriskhanova, Olga K.; Tomskaya, Maria V.; Cienki, A.; Makoveeva, Alina I.

published in

Когнитивные исследования языка [Cognitive Studies of Language]
2022

document version

Publisher's PDF, also known as Version of record

document license

Article 25fa Dutch Copyright Act

[Link to publication in VU Research Portal](#)

citation for published version (APA)

Iriskhanova, O. K., Tomskaya, M. V., Cienki, A., & Makoveeva, A. I. (2022). Особенности ментального симулирования в жестовом поведении переводчиков-синхронистов. Когнитивные исследования языка [Cognitive Studies of Language], 4(51), 377-384. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49862604>

General rights

Copyright and moral rights for the publications made accessible in the public portal are retained by the authors and/or other copyright owners and it is a condition of accessing publications that users recognise and abide by the legal requirements associated with these rights.

- Users may download and print one copy of any publication from the public portal for the purpose of private study or research.
- You may not further distribute the material or use it for any profit-making activity or commercial gain
- You may freely distribute the URL identifying the publication in the public portal ?

Take down policy

If you believe that this document breaches copyright please contact us providing details, and we will remove access to the work immediately and investigate your claim.

E-mail address:

vuresearchportal.ub@vu.nl

O. K. Iriskhanova, M. I. Kiose, A. V. Leonteva

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Institute of Linguistic RAS

O. V. Agafonova *(Moscow, Russia)*

Moscow State Linguistic University

CONSTRUAL OF REFERENT IN MULTIMODAL EXPOSITORY DISCOURSE

The paper presents the results of the multimodal analysis of Russian expository discourse aimed at investigating verbal and gestural means that contribute to different tactics of the construal of a referent. The research reveals two tactics – “object-driven” and “word-driven”. It is shown that both of them make extensive use of the expressions of vague reference (placeholders and approximators), as well as gestures with various functional characteristics. The results point to higher variance in the linguistic expressions of vague reference and gesture types with the “word-driven” tactics, which supports the idea of the secondary status of this type of the construal.

Key words: expository discourse, referent construal, means of vague reference, speech, gesture.

Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 377-384.

О. К. Ирисханова, М. В. Томская *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет

o.iriskhanova@linguanet.ru, scog@linguanet.ru

А. Ченки *(Амстердам, Нидерланды)*

Свободный университет Амстердама

a.cienki@vu.nl

А. И. Маковева *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет

a.makoveeva@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОГО СИМУЛИРОВАНИЯ В ЖЕСТОВОМ ПОВЕДЕНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ¹

Статья посвящена ментальному моделированию в синхронном переводе с участием русского, английского и немецкого языков. Показано, что в связи со вторичным характером коммуникации и комплексностью решаемых задач, переводчик-синхронист с помощью жестов, сопровождающих речь, осуществляет ментальную симуляцию, следуя

¹ Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РФФ (проект № 19-18-00357).

двум «телесным» векторам ментального моделирования: симуляции физических свойств референтов (через репрезентирующие жесты) и симуляции мануальных действий, присущих определенной коммуникативной ситуации (через прагматические жесты).

Ключевые слова: ментальное моделирование, ментальное моделирование, синхронный перевод, жестовое поведение переводчика.

1. Введение: понятие ментальной симуляции в контексте полимодального ментального моделирования

В когнитивной лингвистике, нацеленной на поиск ментальных процессов и структур знаний, которые обслуживают разные типы коммуникативной деятельности человека, за несколько десятилетий было предложено немало терминов, относящихся как к процессам, так и к результатам моделирования мира с помощью языковых единиц – от ментального конструирования, концептуализации и категоризации до событийных фреймов, миметических схем, художественных концептов, ментальных пространств и пр.

Из когнитивной психологии в когнитивную лингвистику пришел еще один, пожалуй, менее распространенный термин – *ментальное моделирование / ментальная симуляция* (mental simulation). Он связан с телесностью познания (embodied cognition) и в значительной степени синонимичен ментальному моделированию, подчеркивая в последнем обусловленность физическим опытом и образность когниции – в первую очередь, метафорическую и метонимическую. Соединяя физическое и концептуальное в пространстве языка, некоторые исследователи отмечают, что понятие *ментальная симуляция* предполагает значимость простейших сенсорно-моторных процессов для становления и протекания когнитивных процессов более высокого порядка – а именно: когниции посредством языковых выражений [Barsalou 1999; Zwaan 1999; Glenberg, Kaschak 2002].

В то же время, наблюдаемый сейчас интерес когнитивных лингвистов к разным видам и формам общения, включая полимодальную коммуникацию с участием жестов, обусловил появление новых ракурсов в рассмотрении ментальной симуляции.

Во-первых, ментальная симуляция стала более отчетливо ассоциироваться с коммуникативно значимыми движениями тела, а не только с «телесностью» языка (см. например, [Hostetter, Alibali 2008; Marghetis, Bergen 2014]). Формулируя эту мысль иначе, отметим, что полимодальные исследования породили потребность подойти к проблеме языковой когниции как бы в обратном направлении – не только от тела к языку, но и от концепции к перцепции (ср. [Talmy 2000]), от концептуальных структур в языке к непосредственной моторике тела. Именно моторика начинает рассматриваться многими исследователями как свидетельство существования тех когнитивных механизмов и моделей, которые ранее виделись лингвистами в первую очередь в привязке

к языковым структурам (например, как доказательство существования образ-схем, управляющих процессами метафорической коммуникации).

Во-вторых, полиmodalное изучение устной коммуникации неизбежно приводит к более ясному осознанию симуляции как взаимной адаптации говорящих, которое происходит в текущем режиме в разных измерениях: это и хорошо известная адаптация на уровне материи мозга (см. так называемую теорию зеркальных нейронов), и адаптация говорящего к репликам собеседника (см. понятие диалогического синтаксиса [Du Bois 2014]), и согласование одной знаковой системы с другой (см. понятие семиотического резонанса [Логинова 2019]), и, наконец, это подражание на уровне телесных движений, когда при непосредственном общении происходит, например, повтор жестов одного собеседника другим. Как отмечается в некоторых работах по когнитивной психологии, такая способность к разноплановой адаптации обеспечивают социальное взаимодействие, включая понимание действий других, подражание и эмпатию, предлагая человеку возможность принять точку зрения другого [Decety, Jackson 2004; Sommerville, Decety 2006].

Приведенные выше ракурсы в понимании ментальной симуляции приводят к частичному пересмотру данного понятия – а вместе с ним и языкового понимания в целом (language comprehension). В частности, в [Kok, Cienki 2017] предлагается рассматривать ментальную симуляцию в контексте взаимной координации нескольких процессов, определяющих понимание языка: контекстуально обусловленного интерсубъективного согласования коммуникантов относительно референтов; узнавания коммуникативных интенций друг друга; предвосхищения изменений в динамической среде и постоянной взаимной адаптации в диалоге; интегрирования разнородных средств в полиmodalные акты коммуникации [Kok, Cienki 2017: 2].

Таким образом, ментальное моделирование связывается со взаимной настройкой или адаптацией говорящих относительно референтов, интенций, коммуникативных шагов, включающих среди прочего настройку на согласованные физические действия – речевые и невербальные.

Соответственно, можно говорить о двух основных «физических» векторах взаимной настройки в ходе ментальной симуляции – о симуляции физических свойств референтных событий и о симуляции действий собеседника, обладающих выраженной интенциональной составляющей (т. е. о симуляции телесного поведения собеседника в конкретной коммуникативной ситуации).

Данные векторы ментальной симуляции, зарождаясь на когнитивном уровне, проявляют себя в вербальных и невербальных действиях говорящих, выстраивающих совместно как образы референтов, так и образ текущей коммуникативной ситуации. С точки зрения жестового компонента, проведено немало эмпирических исследований, доказывающих, что подобная

симуляция, с одной стороны, осуществляется с помощью репрезентирующих жестов, изображающих те или иные физически наблюдаемые свойства референтов, с другой стороны – с помощью прагматических жестов, обладающими выраженной интенцией (например, жесты согласия или привлечения внимания).

Однако существуют такие виды языковой деятельности, когда говорящий не является изначально автором производимого им текста: например, это актеры, произносящие реплики со сцены, или журналисты, цитирующие другого человека, или переводчики, задействованные в последовательном или синхронном переводе. Перечисленные типы деятельности обладают разной степенью интерактивности, разными условиями протекания, но их объединяет одно свойство – они являются вторичными по отношению к тексту-источнику; соответственно, ментальная симуляция будет опосредована этим текстом.

И здесь возникает ряд вопросов. Проявляются ли на кинетическом уровне два «телесных» вектора – симуляция физических свойств референтных событий и симуляции физических действий собеседника, при вторичной коммуникации, если интерактивность носит условный характер? Если да, какой вектор преобладает в жестах, и как это связано со спецификой определенного вида деятельности?

Далее мы попытаемся ответить на эти вопросы на примере жестового поведения переводчиков-синхронистов.

2. Особенности ментальной симуляции в синхронном переводе: анализ в языковых парах «русский → английский» и «русский → немецкий»

Для исследования особенностей ментальной симуляции в жестах синхронных переводчиков были использованы видеозаписи, полученные нами в результате эксперимента, проведенного в центре СКоДис (лаборатории ПолиМод). В течение нескольких недель производилась запись с трех ракурсов работы профессиональных (регулярный опыт синхронного перевода более 3 лет) и непрофессиональных переводчиков (нерегулярный опыт работы менее 2 лет). Переводчики-синхронисты слушали 10-минутную аудиозапись лекции на иностранном (L2) или русском (L1) языках, которая использовалась в качестве исходного текста, и переводили ее на русский (L1) или иностранный (L2) язык, соответственно. Поскольку переводчикам не предъявлялась видеозапись лекции, жестикуляция выступающего не могла непосредственно повлиять на жестовое поведение синхрониста. Кроме того, переводчики работали в одиночестве в кабине для синхронного перевода; перед собой они видели пустую аудиторию, в которой никого не было. Подобного рода коммуникативная деятельность относится нами (а) к вторичной деятельности, т. е. основанной на чужих идеях и текстах, выраженных к тому же

*Рис. 1. Прагматический жест обращения к аудитории, сопровождающий фразу «Поэтому мы поняли, что тираннозавр **может раскусить машину**»*

на языке L2, и (б) к минимально интерактивной деятельности, т. е. не предполагающей наличия реального собеседника и выражения переводчиком собственных интенций.

Анализ аннотированных с помощью программы ELAN двухминутных видеозаписей перевода с русского на английский язык и с русского на немецкий язык, полученных от 18 испытуемых для каждой языковой пары, показал, что переводчики довольно активно используют жесты. Их частотность и характер варьируют в зависимости от индивидуального стиля переводчика, однако наблюдаются некоторые общие особенности в жестовом поведении участников эксперимента в плане выделенных нами ранее двух векторов ментальной симуляции.

В количественном отношении у большинства испытуемых преобладают жесты-адаптеры (adaptors), что связано с повышенной когнитивной нагрузкой данного вида деятельности и с тем, что, по-видимому, моторика касания способствует не только снятию эмоциональной нагрузки, но и также установлению контроля над когнитивным процессом решения сложной ментальной задачи. Кроме того, выявлено, что для обеих пар языков чуть менее половины от общего числа жестов составили прагматические жесты (48,8%, N=316, для пары RU → EN; 46,1%, N=329, для пары RU → DE), которые служат наведению контакта между выступающим и воображаемой аудиторией, привлечению внимания к фрагменту речи, выражению отношения к чему-либо (см. Рисунок 1

для иллюстрации подобного жеста). Важно отметить, что наблюдаемые нами прагматические жесты, особенно жесты обращения к аудитории, фактически, являли собой подражание тому, как должен был вести себя перед аудиторией лектор. В этом смысле, подобно репрезентирующим жестам, прагматические жесты также могут рассматриваться как жесты, копирующие свойства объекта.

В то же время репрезентирующие жесты, участвующие в симуляции физических свойств объектов через иконическую моторику движения составили довольно незначительную часть жестов: 6,8%, N=50, для пары RU → EN; 7,3%, N=52, для пары RU → DE. Подобные жесты симулировали удержание объекта, манипуляцию объектом, прорисовывание контура объекта или разыгрывали действия, производимые объектом (например, разведение ладоней над столом, сопровождающее глагол *распространить*).

Полученные результаты указывают на то, что ментальное симулирование действительно реализуется по интересующим нас векторам в кинетическом поведении говорящих, осуществляющих синхронный перевод как вторичную коммуникативную деятельность. Однако симуляция, осуществляемая моторикой жестов, направлена в большей степени на ментальное моделирование коммуникативной ситуации, реализуемое прагматическими жестами, чем на изображение физических свойств референтов, реализуемое жестами репрезентирующими.

Этот результат представляется несколько неожиданным, особенно если принять во внимание минимальную степень интерактивности синхронного перевода в нашем случае. Можно предположить, что в условиях повышенной когнитивной нагрузки и ограниченного времени для говорящего симуляция контекста коммуникации оказывается более важной, по сравнению с симуляцией свойств объектов. Вопрос о том, является ли данное свойство общим для разных типов вторичной коммуникативной деятельности, остается открытым и потребует дальнейших исследований. В пользу универсальности наблюдаемого свойства свидетельствуют некоторые исследования моделирования в моторике, в которых подчеркивается, что подражание посредством наблюдения за действиями другого человека (будь то реальными или воображаемыми) является важнейшим механизмом, лежащим в основе умственной деятельности, поскольку оно связывает наблюдение и действие [Kosslyn, Moulton 2009].

Заключение

В целом, полученные нами предварительные данные подтверждают предположение о том, что для вторичной коммуникации значимой является ментальная симуляция физически наблюдаемых или воображаемых свой-

ств объектов и ситуаций. Даже в условиях минимальной интерактивности, свойственной вторичному общению (к которому относится синхронный перевод в нашем эксперименте), ментальная симуляция с помощью жестов в существенной степени выстраивается на подражании – причем не столько описываемым объектам (см. данные о репрезентирующих жестах), сколько коммуникативному поведению говорящих, производящих первичный дискурс (см. данные о прагматических жестах). Все это указывает на то, что вне зависимости от степени интерактивности характер ментальной симуляции в полимодальном общении обусловлен не только и не столько интересубъективной координацией потенциальных коммуникантов относительно референтов, сколько узнаванием коммуникативных интенций продуцента речи.

Литература

Логинова Е. Г. Полимодальные сценарии семиотического резонанса в дискурсе драмы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2019. С. 130–141.

Barsalou L. W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. P. 577–660.

Decety J., Jackson P. L. The functional architecture of human empathy // Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews. 2004. 3. P. 71–100.

Du Bois J. W. Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics. Issue 25(3), 2014. P. 359–410.

Glenberg A. M., Kaschak M. P. Grounding language in action // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. 9(3). P. 558–565.

Hostetter A. B., Alibali M. W. Visible embodiment: Gestures as simulated action // Psychonomic Bulletin & Review. 2008. 15. P. 495–514.

Kosslyn S. M., Moulton S. T. Mental imagery and implicit memory // Markman K. D., Klein W. M. P., Suhr J. A. (Eds.). Handbook of Imagination and Mental Simulation. New York: Psychology Press. 2009. P. 35–51.

Kok K., Cienki A. Taking simulation semantics out of the laboratory: Towards an interactive and multimodal reappraisal of embodied language comprehension // Language and Cognition. 2017. 9(1). P. 1–23.

Marghetis T., Bergen B. K. Embodied meaning, inside and out: The coupling of gesture and mental simulation // Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D. & Tessendorf S. (Eds.). Body-Language-Communication. New York: Mouton de Gruyter, 2014. P. 2000–2007.

Sommerville J. A., Decety J. Weaving the fabric of social interaction: Articulating developmental psychology and cognitive neuroscience in the domain of motor cognition // Psychonomic Bulletin & Review. 2006. 13(2). P. 179–200.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge (Mass) London: A Bradford Book, The MIT Press, 2000.

O. K. Iriskhanova, M. V. Tomskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

A. Cienki (Amsterdam, Netherlands)
Vrije Universiteit Amsterdam

A. I. Makoveeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

MENTAL SIMULATION IN GESTURES OF SIMULTANEOUS INTERPRETERS

The article is devoted to mental simulation in simultaneous interpreting from Russian into English and German. It is shown that simultaneous interpretation is multi-layered derived type of communicative activity, in which mental simulation is realized via gestures along two bodily dimensions: simulation of physical properties of referents (through representational gestures) and simulation of manual movements typical of a certain communicative situation (through pragmatic gestures).

Key words: mental modeling, mental simulation, simultaneous interpreting, gestural behavior of an interpreter.

***М. И. Киосе, А. А. Ржешевская,
О. В. Прокофьева, Т. Г. Харламова***
(Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
maria_kiose@mail.ru*

ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯХ В ГЕТЕРОСЕМИОТИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ: ЗНАЧИМОСТЬ РЕФЕРЕНТА¹

В работе на материале четырех окулографических экспериментов устанавливаются типы референта (агентивный, единичный, конкретный и др.), появление которого в зонах интереса значительно изменяет глазодвигательное поведение при переключениях в разных гетеросемиотических единствах. Контрастивному анализу подвергаются глазодвигательные показатели в зонах интереса, представляющих системы языка и изображения при переключениях «текст – иллюстрация», «лицо говорящего – его же-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.